

Была доля секунды, когда взгляд старухи затуманился. Услышав это имя, она помимо воли едва не расплакалась, хотя сама не понимала почему.

Проводя дни напролет в обществе негасимых лампад и буддийских пагод, она стала спокойна душой, как легкая дымка, и в ее сердце уже давно не возникало никаких бурных волнений. Но на этот раз она впервые потеряла самообладание без всякой на то причины.

Отвернув голову в сторону, она тихонько промокнула глаза рукавом и медленно произнесла:

— Пришел так поздно? Скорее позови Хэ Шу войти.

Слуга отозвался, повернулся, чтобы исполнить поручение, и вскоре послышались шаги. Раздался чистый и мягкий юношеский голос:

— Бабушка.

Старуха подняла голову. Хэ Шу стоял у кресла-качалки, потупив взор, а уголки его глаз были красноватыми, будто он только что плакал.

В былые времена она спросила бы лишь, поужинал ли он. Если нет, то оставляла гостя за столом, а если да — предлагала составить ей компанию за просмотром пьесы. Пока собеседник сам не заводил разговор, она ни о чем не расспрашивала.

Возможно, вызванное мгновенным трепетом смятение в душе не позволяло ей успокоиться. Старуха замолкла, перебирая пальцами четки, и неожиданно задала вопрос:

— Что случилось?

Тени деревьев мерно покачивались, отражаясь рябью на глади воды, издали доносились напевы традиционной драмы, и этот тихий уголок казался особенно умиротворенным.

Шэнь Синлань не произнес ни слова. Он подошел, присел на корточки и посмотрел на нее снизу вверх. Его взгляд был мягким и безмятежным; он долго всматривался в ее лицо, ощущая какую-то теплую тоску.

Тихонько он промолвил:

— Проходил мимо и решил заглянуть к вам.

Хотя юноша ничего особенного не сделал, сердце старухи растаяло от такого взгляда. Среди всех внуков Хэ Шу больше всех напоминал ее рано ушедшего из жизни сына — не лицом, а

именно складом характера.

Уж кто-кто, а человек, проживший больше шести десятков лет, прекрасно понимал: как подросток может скрыть от нее свои тайны?

Пальцы, перебиравшие четки, опустились. Старуха бросила взгляд на Сяо Лю, стоявшего позади Хэ Шу:

— По пути?

Сяо Лю вытянулся по струнке. Хотя на дворе стоял ночной ветер, во рту у него почему-то пересохло:

— Мы со старшим молодым господином Хэ Шу только что вернулись с кладбища.

Уединившись здесь, старуха уже много лет не вмешивалась в дела семьи, но ее острая проницательность никуда не делась.

Подросток, отучившись весь день, поздним вечером не возвращается домой, едет на кладбище почтить память отца, а после этого бежит навестить ее?

Кресло-качалка замерло. Старуха опустила правую ногу на землю и, поднимаясь, случайно задела рукой лицо присевшего на корточки Хэ Шу.

В прохладе ночного ветра жар от его кожи обжигал невероятно. Она нахмурилась:

— Ты заболел?

Шэнь Синлань ничего не ответил, лишь покачал головой. Краснота в уголках его глаз стала еще заметнее, напоминая багрянец закатных облаков, и выдавала болезненную бледность.

Он с трудом поднялся на ноги, но сил в теле совсем не осталось. У него потемнело в глазах, и он чуть не рухнул на землю, однако Сяо Лю вовремя и ловко поддержал его.

— Старший молодой господин Хэ Шу? — испуганно приложив руку к его лбу, воскликнул Сяо Лю и тут же вздрогнул. — Как же так, ведь дорогой всё было хорошо...

Старуха тут же повернулась к служанке:

— Ступай за доктором Сунем.

Сказав это, она немного подалась вперед к Хэ Шу и инстинктивно протянула руку, но замерла всего в нескольких сантиметрах от него. Она уже столько лет ни с кем из внуков не была близка, что такое движение казалось ей слишком непривычным.

В следующий миг Шэнь Синлань слабо протянул руку и сжал ее ладонь. В его кулаке было зажато что-то твердое, жгучее до боли.

Глухим голосом он произнес:

— Простите, бабушка.

Горячая слеза скатилась из уголка глаза — всего одна, на этом все и закончилось. Голос Шэнь Синланя стал еще тише:

— Это я не уберег ее.

С этими словами он медленно разжал пальцы, обнажая то, что все это время сжимал в ладони.

Это были черные механические наручные часы. Их циферблат оказался разбит вдребезги, а стрелки давно остановились. При виде них лицо старухи мгновенно изменилось.

Она, конечно же, узнала эти часы. Это был подарок ей на последний день рождения Хэ Нинхэна перед его смертью. Получив презент, Хэ Нинхэн тогда радостно улыбнулся, обнял ее и сказал: спасибо, ма.

Многолетнее самовнушение рухнуло в один миг, стоило ей увидеть знакомую вещь.

Пальцы старухи, коснувшиеся часов, слегка дрожали. Часы впитали тепло юношеского тела, были обжигающе горячими, заставляя ее невольно сжаться.

Она не сводила глаз с часов:

— Как они разбились?

Из-за сильного жара сознание Шэнь Синланя уже затуманивалось, и он был совершенно не в силах отвечать на вопросы старухи. Подобно упавшей с высоты птице, он рухнул ей на грудь.

Телефон в кармане непрерывно вибрировал — это мать Хэ звонила снова и снова. За всю его жизнь это был первый случай, когда Хэ Шу осмелился открыто пойти против нее. Наверное, сейчас она была просто вне себя от гнева.

Шэнь Синлань попытался ответить, но после нескольких неудачных нажатий вызов соединился. На том конце на пару секунд повигла тишина, после чего раздался напряженный, сдержанный голос матери Хэ:

— Когда будешь дома?

Рассудок был затуманен настолько, что не оставалось сил даже на раздумья, и Шэнь Синлань ничего не ответил.

Столкнувшись с молчаливым упорством, мать Хэ больше не смогла сдерживаться и гневно выпалила:

— Твой младший брат вернулся всего несколько дней назад! Из-за каких-то часов ты довел человека до того, что он проплакал всю ночь. Совсем от рук отбился!

Раньше, когда она отчитывала его подобными словами, юноша всегда молча выслушивал ее, редко возражая. Не стал исключением и сегодняшний день.

Мать Хэ на самом деле ужасно тяготилась этим его видом — вечно словно тень, мрачный и тихий. Еще задолго до этого она подозревала, что он не ее родной ребенок, в конце концов, он совсем на нее не похож.

Небо все же справедливо, раз вернуло ей Хэ Юя. Этот мальчик послушный и смысленный, умный и милый — полная противоположность Хэ Шу.

Хэ Шу — старший, а Хэ Юй — младший. Хотя она знала, что Хэ Шу ей не родной сын, она все равно оставила его дома, чтобы растить дальше. Раз уж он не смог стать хорошим сыном, неужели он не способен даже побыть хорошим братом?

Все эти чувства накопились в груди, требуя выхода. Мать Хэ безапелляционно заявила:

— Живо возвращайся домой и извиняйся. На этот раз я могу сделать вид, будто ничего не произошло. Семья Хэ и впрямь скоро перестанет вмещать твою великую особу.

На том конце по-прежнему царил тишина. Мать Хэ уже собиралась сбросить вызов, как вдруг раздался чей-то голос — старый, но сильный, властный и низкий:

— С каких это пор у Хэ Шу появился младший брат?

Веки матери Хэ резко дернулись.

<http://bllate.org/book/26521/3174726>